

Оригинальная научная статья

Оптимизация состава участников уголовного досудебного производства

О. С. Морозова

Сибирский юридический университет, Омск, Российская Федерация
✉ olga283m@mail.ru

Аннотация. Одна из основных задач уголовно-процессуального законодательства, наряду с установлением порядка производства по уголовному делу, заключается в точном определении правового статуса и процессуальных возможностей субъектов уголовно-процессуальных отношений, т. е. установлении пределов их прав и обязанностей. В связи с этим необходимо особое внимание уделять характеристике субъектного состава уголовного судопроизводства через создание плана совершенствования их места, роли и процессуального статуса. Цель исследования заключается в анализе правовых проблем, имеющих отношение к реализации рядом участников уголовного судопроизводства своих процессуальных возможностей, и определении путей совершенствования субъектного состава уголовного досудебного производства. В статье рассматриваются вопросы, связанные с процессуальным положением следователя и его взаимодействием с процессуальным руководителем и прокурором. Особое внимание уделяется процессуальному статусу лица, в отношении которого производится проверка сообщения о преступлении, раскрывается проблема осуществления уголовного преследования при проверке сообщения о преступлении, исследуются роли и функции педагога и психолога. Кроме того, автор обосновывает идею расширения круга участников досудебных стадий. Методологическую основу работы составили положения общенаучного метода познания, такие как формально-логический, обобщение, анализ, описание, методы общей теории права, уголовного процесса, криминалистики, психологии, педагогики, логики и других наук. В результате были сделаны следующие выводы. При исследовании основных вопросов усовершенствования процессуального статуса участников досудебного производства автор предлагает учитывать следующие положения: распределение ведомственного процессуального контроля и прокурорского надзора в пользу последнего и создание единой формы предварительного расследования; вовлечение подозреваемого на стадии возбуждения уголовного дела; уточнение цели и роли участия в деле педагога и психолога; расширение субъектного состава за счет наделения индивидуальным процессуальным статусом заявителя.

Ключевые слова: участники, субъектный состав, следователь, руководитель следственного органа, прокурор, подозреваемый, педагог, психолог, заявитель

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Морозова О. С. Оптимизация состава участников уголовного досудебного производства // Сибирское юридическое обозрение. 2024. Т. 21, № 2. С. 263–273. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2024-21-2-263-273>. EDN: <https://elibrary.ru/ihspzw>

Original scientific article

Optimization of the Composition of Participants in Criminal Pre-Trial Proceedings

O. S. Morozova

Siberian Law University, Omsk, Russian Federation

✉ olga283m@mail.ru

Abstract. Alongside establishing the procedure for criminal proceedings, a primary objective of criminal procedure legislation is to precisely define the legal status and procedural powers of participants in criminal procedure relations. This involves setting the boundaries of their rights and obligations. Accordingly, particular emphasis should be placed on delineating the subject matter of criminal proceedings by devising a plan to enhance their position, role, and procedural status. The aim of the study is to scrutinize legal issues concerning the exercise of procedural powers by various participants in criminal proceedings and to explore avenues for enhancing the composition of criminal pre-trial proceedings. The article delves into matters concerning the procedural role of the investigator and examines their interaction with the procedural leader and the prosecutor. Special attention is paid to the procedural status of the person in respect of whom a crime report is being checked, the problem of criminal prosecution when checking a crime report is revealed, the roles and functions of an educator and a psychologist are investigated. In addition, the author substantiates the idea of expanding the range of participants in the pre-trial stages. The methodological framework of this work encompasses principles from the general scientific method of cognition, including formal logic, generalization, analysis, and description. It also draws upon methodologies from the fields of general theory of law, criminal procedure, criminology, psychology, pedagogy, logic, and other related sciences. As a result, the following conclusions were drawn. When exploring the primary issues concerning the enhancement of participants' procedural status in pre-trial proceedings, the author proposes considering the following provisions: shifting departmental procedural oversight and prosecutorial supervision in favor of the latter and establishing a unified format for preliminary investigation; engaging the suspect at the initial stage of a criminal case; elucidating the purpose and function of involvement by educators and psychologists in the case; broadening the subject composition by granting individual participants procedural petitioner status.

Keywords: participants, subject matter, investigator, head of the investigative body, prosecutor, suspect, educator, psychologist, applicant

Conflict of interest. The Author declares no conflict of interest.

For citation: Morozova O. S. Optimization of the Composition of Participants in Criminal Pre-Trial Proceedings. *Siberian Law Review*. 2024;21(2):263-273. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2024-21-2-263-273>. EDN: <https://elibrary.ru/ihspsz> (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

Повышение эффективности государственной функции контроля преступности и усиление гарантий прав и законных интересов личности всегда выделялись в качестве приоритетного направления законотворческой и правоприменительной деятельности в Российской Федерации.

Особое место в этом процессе занимает уголовно-процессуальное право, роль которого, наряду с определением порядка производства по уголовному делу, заключается также в точном установлении правового статуса участников уголовно-процессуальных отношений. Это в свою очередь требует четкого нормативного закрепления необходимых характеристик

субъектного состава уголовного судопроизводства через создание программы его оптимизации, что имеет не только теоретическое, но и прикладное значение.

В связи с этим вопросы оптимизации субъектного состава уголовного досудебного производства следует рассматривать через систему участников, которая должна основываться на целях, поставленных перед ними, их функциональном назначении и наличии у них комплекса процессуальных возможностей. В упомянутую систему входят: 1) участники – представители государства, от его имени и по его поручению ведущие уголовный процесс; 2) участники, имеющие и реализующие свой интерес в уголовном процессе, а также защищающие или представляющие их интерес; 3) участники, выполняющие вспомогательную функцию в уголовном досудебном производстве; 4) участники, процессуальный статус которых в УПК РФ не определен или определен неконкретно.

**Участники – представители
государства, от его имени
и по его поручению
ведущие уголовный процесс**

Должная эффективность деятельности следователя, основанная в том числе на уровне его процессуальной самостоятельности, во многом предопределена его взаимоотношениями с ведомственным руководителем и прокурором, а также с контролирующим предварительное расследование по уголовному делу судом. Действительно, деятельность следователя связана с ограничением конституционных прав и свобод граждан. Именно поэтому деятельность следователя при принятии им наиболее важных процессуальных решений контролируется целым комплексом возможностей со стороны руководителя следственного органа, прокуратуры и суда. Такой контроль призван устранить вероятность незаконного ограничения

прав участников уголовного судопроизводства [1, с. 152]. Иными словами, специфика деятельности следователя в ходе досудебного производства требует контроля и надзора за ее законностью и соблюдением принципов уголовного судопроизводства, чему служат ведомственный контроль, прокурорский надзор и судебный контроль, направленные в первую очередь на защиту прав, свобод и законных интересов личности в уголовном судопроизводстве.

Понятия «контроль» и «надзор» в теории уголовного процесса рассматриваются как близкие по значению, но и принципиально отличные в процессуальном плане категории. Предлагается выделять следующие критерии их различия: 1) временной фактор воздействия; 2) наличие ответственности у субъекта контроля за принимаемые решения в отличие от субъекта надзора; 3) надзор может быть только внешним, в то время как контроль может быть и внутренним, местным; 4) предметом прокурорского надзора может быть только законность уголовно-процессуальной деятельности, но не сама деятельность, при контроле оценке подвергаются обе составляющие: и соблюдение законности, и качество самой деятельности органов досудебного производства [1, с. 152]. С определенной степенью разумного сомнения данные критерии можно принять за основу разграничения двух анализируемых понятий.

Вместе с тем вполне очевидно, что у функций контроля и надзора единые цели: обеспечение режима законности в уголовном судопроизводстве. Более того, правовое государство предполагает многоканальную систему контроля (надзора) законности и обоснованности уголовно-процессуальной деятельности при единственном условии: необходимо определить оптимальную схему взаимоотношений органа предварительного расследования и субъектов контроля

(надзора). Кроме того, аналогичная схема должна быть разработана для эффективного соотношения судебного контроля, прокурорского надзора и ведомственного процессуального контроля, при котором субъекты одной формы контроля (надзора) не дублировали бы функции и полномочия субъектов другой формы, а лишь дополняли и усиливали их.

В результате законодательных реформ с 2007 г. в отечественном уголовном процессе сформировалась полицейская модель предварительного следствия (следователь + руководитель следственного органа), которую нельзя признать эффективной и полностью гарантирующей законность и объективность досудебного производства. В связи с этим представляется необходимым в Российской Федерации сформировать (восстановить) модель прокурорского расследования, в целях чего надлежит:

- на законодательном уровне признать следователя самостоятельным органом предварительного следствия, наделенным исключительным правом выполнения данной государственной функции;

- полномочия прокурора по процессуальному руководству предварительным следствием и осуществлению надзора за исполнением законов органами, его осуществляющими, восстановить до состояния, предшествующего реформе 2007 г.;

- руководитель следственного органа должен быть ограничен в своей деятельности реализацией организационно-распорядительной функции по управлению следственным подразделением, в то время как процессуальные средства устранения выявленных нарушений (отмена незаконных и/или необоснованных решений следователя, возвращение уголовного дела следователю со своими указаниями о производстве дополнительного расследования), а также полномочия по продлению сроков предварительного расследования,

разрешение отводов, заявленных следователю (самоотводов), должны быть сосредоточены у прокурора.

Для формирования подлинной и эффективной модели прокурорского расследования необходимо также решить еще одну проблему. Как представляется, все более принципиальным становится вопрос о соотношении двух современных форм предварительного расследования, которое, как известно, в соответствии с ч. 1 ст. 150 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) производится в форме предварительного следствия либо в форме дознания.

Дифференцируя порядки предварительного расследования, законодатель в ч. 3 ст. 150 УПК РФ приводит перечень преступлений, по которым, по его представлению, не требуется квалифицированного предварительного следствия, а можно обойтись сокращенным дознанием. Правоприменительная практика достаточно объективно подтверждает, что подобное деление явно искусственное и выбор режима производства зависит не от квалификации преступления, а от его конкретных обстоятельств и трудностей их установления.

Игнорирование данного вывода привело к тому, что уже в годы действия УПК РФ проблема слияния двух форм предварительного расследования – предварительного следствия и дознания – стала очевидной.

Действительно, в первые 10 лет действия УПК РФ дознание из ускоренного и упрощенного производства как самостоятельной альтернативы предварительному следствию постепенно переродилось в ординарное производство, очень сходное с квалифицированной формой предварительного расследования (например, сроки дознания практически полностью стали соответствовать срокам предварительного следствия с возможностью их продления).

При этом дифференциация форм досудебного производства имеет место лишь тогда, когда есть существенные особенности этих форм, т. е. качественные различия в организации и порядке уголовно-процессуальной деятельности¹.

Так, представляя классификацию следователей по уровню сложности расследуемых уголовных дел, С. М. Кузнецова однозначно предлагает дознание как самостоятельную форму расследования ликвидировать: предварительное расследование должно осуществляться в единственной форме – предварительного следствия с учетом вышеназванной многоуровневой специализации следователей [2, с. 83].

Действительно, предварительное следствие и альтернативное ему дознание постоянно и упорно стремятся к единому руслу производства. Может быть, этому не мешать? Учитывая, что это естественный объективный процесс, законодатель, как представляется, должен отреагировать сохранением единой формы квалифицированного расследования при наличии иных, действительно ускоренных и упрощенных форм досудебного производства.

**Участники, имеющие
и реализующие свой интерес
в уголовном процессе,
а также защищающие
или представляющие их интерес**

Наиболее проблемная, одиозная фигура, предложенная законодателем, – это, безусловно, «лицо, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении», момент и механизм наделения которого статусом защищаемой стороны в УПК РФ не определены.

Анализ отдельных норм УПК РФ, хоть косвенно, но подтверждает присутствие

по воле законодателя в стадии возбуждения уголовного дела лица, подозреваемого в совершении преступления. Так, согласно ч. 2 ст. 148 УПК РФ «при вынесении постановления об отказе в возбуждении уголовного дела по результатам проверки сообщения о преступлении, связанного с подозрением в его совершении конкретного лица или лиц, руководитель следственного органа, следователь, орган дознания обязаны рассмотреть вопрос о возбуждении уголовного дела за заведомо ложный донос в отношении лица, заявившего или распространившего ложное сообщение о преступлении».

Законодатель предоставляет лицу, в отношении которого осуществляется проверка сообщения о преступлении, комплекс прав, а именно: в соответствии с ч. 1¹ ст. 144 УПК РФ лицо вправе давать объяснения, не свидетельствовать против себя и своих близких родственников, знать о принятых итоговых решениях и пользоваться услугами защитника [3, с. 31]. Сходными по содержанию средствами защиты обладает и подозреваемый. Так, согласно ч. 4 ст. 46 УПК РФ подозреваемый вправе знать, в чем он подозревается, и получить копию постановления о возбуждении уголовного дела, либо копию протокола задержания, либо копию постановления о применении к нему меры пресечения, давать объяснения и показания по поводу имеющегося в отношении него подозрения либо отказаться от дачи объяснений и показаний, пользоваться помощью защитника. Оба эти участника также обладают правом не свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников (ст. 51 Конституции РФ) и правом на защиту².

Напомним, что Верховный Суд РФ еще в 2015 г. разъяснил, что правом на защиту

¹ Манова Н. С. Теоретические проблемы уголовно-процессуальных производств и дифференциации их форм : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005. 443 с.

² О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве : постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации от 30 июня 2015 г. № 29 // Рос. газ. 2015. 10 июля.

обладает в том числе и лицо, в отношении которого осуществляются затрагивающие его права и свободы процессуальные действия по проверке сообщения о преступлении в порядке, предусмотренном ст. 144 УПК РФ³.

Таким образом, на данном этапе развития уголовно-процессуального законодательства необходимо урегулировать статус лица, в отношении которого фактически осуществляется уголовное преследование на стадии возбуждения уголовного дела. Сравнив процессуальное положение лица, в отношении которого осуществляется предварительная проверка сообщения о преступлении, с процессуальным положением подозреваемого, группа авторов приходит к достаточно обоснованному выводу о целесообразности расширения процессуального статуса подозреваемого и на стадии возбуждения уголовного дела. При этом предлагается, во-первых, считать подозреваемым лицо с момента осуществления фактических действий, направленных на его изобличение в совершении преступления до момента предъявления обвинения в установленном законом порядке, что позволило бы решить проблему периодически расширяемого перечня оснований для признания лица подозреваемым; во-вторых, ввести акт процессуального уведомления о начале уголовного преследования, с вынесением которого лицо ставилось бы в статус подозреваемого [4]. Представляется, что данные предложения требуют особого внимания.

Как известно, субъектом правоотношений является лицо, вступающее в них с намерением их возникновения и реализации своей воли [5, с. 8]. Следовательно, правоотношения, которые возникают на стадии возбуждения уголовного дела, влекут наделение участников доследственного производства определенным процессуальным

статусом. Более того, под уголовным преследованием подразумевается не только обвинительный тезис, выдвигаемый стороной обвинения, но и деятельность, направленная на установление лица, совершившего преступление [6, с. 224].

Таким образом, подозреваемый — это лицо, в отношении которого имеются вероятностные знания о причастности его к совершенному (готовящемуся) преступлению, сформированные, возможно, еще до возбуждения уголовного дела в ходе избличительной деятельности, осуществляемой (при современном построении доследственного производства) в отношении лица с неопределенным статусом [7, с. 71], *de jure* еще не являющегося подозреваемым. В связи с этим следует признать, что на стадии возбуждения уголовного дела лицо, в отношении которого осуществляется проверка сообщения о преступлении, *de facto* входит в группу участников защищаемой стороны и обладает тем же объемом прав, что и подозреваемый. Следовательно, подозреваемый должен вступать в уголовно-процессуальные отношения с момента начала проверки сообщения о преступлении в отношении него, о чем, как указывалась выше, органы предварительного следствия и дознания должны его уведомлять *ex officio*.

Как представляется, определение формы и порядка уведомления о подозрении можно связать с требованиями ст. 223¹ УПК РФ при соответствующих корректировках согласно высказанным предложениям.

Участники, выполняющие вспомогательную функцию в уголовном досудебном производстве

УПК РФ не содержит перечня лиц, вовлекаемых в уголовное судопроизводство

³ О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве ...

в качестве специалиста, однако закон регламентирует исключительно участие тех специалистов, вовлечение которых обязательно в зависимости от следственной ситуации [8]. К числу таковых благодаря анализу УПК РФ относятся: судебно-медицинский эксперт либо врач (ст.ст. 178 и 179) – при осмотре трупа, а также при освидетельствовании, если следователь не вправе провести следственное действие самостоятельно; специалист технической поддержки – при изъятии электронных носителей информации (ст. 164¹); педагог или психолог – при допросе несовершеннолетних подозреваемого и обвиняемого (ст. 425), потерпевшего и свидетеля (ст. 191). При этом вопрос о конкуренции участия психолога и педагога как субъектов уголовного процесса по-прежнему остается открытым [9]. Так, группа авторов констатирует разные цели в участии педагога и психолога, в связи с чем они не могут рассматриваться в качестве тождественных процессуальных фигур [10].

УПК РФ дает достаточно пространное определение понятия педагога. Согласно п. 62 ч. 1 ст. 5 УПК РФ «педагог – это педагогический работник, выполняющий в образовательной организации или организации, осуществляющей обучение, обязанности по обучению и воспитанию обучающихся». Таким образом, УПК РФ дефинирует только лицо, которое может быть привлечено в качестве педагога, но абсолютно игнорирует определение его функциональной составляющей в уголовном процессе. Однако в отношении психолога отсутствует и эта информация.

Вместе с тем анализ теории и правоприменительной практики участия данных специалистов позволяет выделить цели вовлечения их в уголовное судопроизводство. Так, педагог в уголовном процессе обеспечивает правильное с педагогической точки зрения общение с несовершеннолетними следователя,

дознателя, прокурора, судьи, которые не обладают специальными педагогическими знаниями и навыками общения с лицами, не достигшими 18-летнего возраста [11, с. 122]. Основной задачей педагога выступает содействие получению полных и достоверных показаний несовершеннолетнего. Для достижения указанной цели и решения основной задачи педагогу в зависимости от ситуации нужно выполнить конкретные задачи: установить психологический контакт; создать непринужденную обстановку на допросе; обеспечить оптимальное эмоциональное состояние подростка; оказать помощь в формулировании педагогически корректных вопросов, составлении совместного плана допроса; определить его продолжительность; оказать содействие следователю в фиксации показаний [12, с. 39].

Таким образом, в основе выбора участия в уголовном досудебном производстве педагога или психолога лежит определение функциональной составляющей их профессиональной деятельности. В этих целях ст. 5 УПК РФ необходимо дополнить понятием «психолог» и изменить редакцию п. 62 этой же статьи при определении понятия педагога, используя следующие дефиниции: «педагог – это независимый, компетентный специалист в области воспитательно-образовательной деятельности, привлекаемый к участию в процессуальных действиях в порядке, установленном УПК РФ, для содействия в профессиональном общении с несовершеннолетними при получении полных и достоверных показаний»; «психолог – это независимый, компетентный специалист в области практической психологии, привлекаемый к участию в процессуальных действиях в порядке, определенном УПК РФ, для содействия в установлении психологического контакта с несовершеннолетним и создания для него благоприятной атмосферы проведения следственного действия».

**Участники,
ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ СТАТУС КОТОРЫХ
В УПК РФ НЕ ОПРЕДЕЛЕН
ИЛИ ОПРЕДЕЛЕН НЕКОНКРЕТНО**

Система участников уголовного судопроизводства определена в разделе II УПК РФ. При этом объем лиц, вовлекаемых в уголовно-процессуальные отношения, значительно шире. Практика правоприменения постоянно сталкивается с ситуациями, когда в уголовно-процессуальные отношения вовлекаются субъекты, правовой статус которых законодателем конкретно не обозначен.

В литературе активно обсуждается вопрос о наделении индивидуальным процессуальным статусом именно заявителя [13; 14] как наиболее часто встречающегося субъекта, от которого порой зависит начало уголовно-процессуальной деятельности.

Заслуживают внимания предложения Н. Е. Муженской и Г. В. Костылевой по дополнению текста УПК РФ новой нормой (ст. 41¹ «Заявитель») и наделению заявителя обширными правами как самостоятельного и полноценного участника уголовного судопроизводства. В качестве аргумента авторы ссылаются на то обстоятельство, что заявитель вступает в уголовно-процессуальные правоотношения с момента их возникновения, соответственно, приобретает ряд прав и обязанностей. В законе также, по их мнению, предусмотрены требования к заявителю, значит, он выступает самостоятельным участником, так как заявитель представляет свои интересы или интересы лица, в отношении которого совершено преступление, т. е. фактически обладает статусом «потерпевший» или «представитель потерпевшего» [15, с. 55].

Сходное мнение высказывает И. Г. Башинская, предлагая законодательно причислить заявителя к участникам уголовного судопроизводства, дополнив гл. 8 УПК РФ статьей «Заявитель», в кото-

рой привести его права и обязанности. По мнению автора, такое нововведение будет способствовать активному участию заявителя в доследственной проверке и отстаиванию им своих прав и законных интересов [16, с. 159].

Иное решение предлагает С. А. Грачев: заявитель – промежуточный статус, дополняемый в последующем широким арсеналом прав потерпевшего. Автор указывает на необходимость приравнять права заявителя к правам потерпевшего [17, с. 38], что отчасти сейчас и сделано: заявитель вправе подавать заявление о преступлении и знать о порядке и результатах его рассмотрения; давать объяснения; пользоваться услугами адвоката (аналогичное право есть и у потерпевшего – иметь представителя); подавать жалобы на действия (бездействие) или решения сотрудников правоохранительных органов; участвовать в следственных и иных процессуальных действиях; знакомиться с материалами проверки, завершившейся итоговым решением.

Несмотря на некоторое сходство (симметричность) прав рассматриваемого участника с потерпевшим, заявитель в последующем, на стадии предварительного расследования, может получить совсем иной, новый либо даже аналогичный процессуальный статус. Например, статус свидетеля, который наблюдал факт совершения преступления или узнал из иных источников о готовящемся или совершенном преступлении; или статус подозреваемого, если рассматривать явку с повинной как своеобразный аналог заявления о преступлении; либо статус гражданского истца, если имуществу заявителя был причинен вред; а возможно, и статус представителя несовершеннолетнего в случае подачи заявления в интересах последнего; и др.

Есть и иные точки зрения. Так, А. М. Наумов полагает опрометчивым внесение в УПК РФ отдельной статьи,

посвященной заявителю, поскольку это статус временный и неоднозначный в силу того, что заявитель – это будущий свидетель, потерпевший или подозреваемый [18].

Вместе с тем стоит учитывать, что процессуальные возможности необходимы заявителю, независимо от его перспективного процессуального статуса, именно на момент подачи заявления о преступлении, но не после возбуждения уголовного дела.

Резюмируя сказанное, отметим, что уголовно-процессуальная деятельность невозможна вне правоотношений, которые, по мнению Л. М. Володиной, выступают отношениями между государством в лице государственных органов и должностных лиц, осуществляющих производство по уголовному делу, а также других субъектов, вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства, основываются на взаимных правах и обязанностях субъектов уголовного процесса [19, с. 139]. Соответственно, с момента возникновения уголовно-процессуальных отношений появляется субъект (участник) таковых и за ним закреплен индивидуальный процессуальный статус, который должен разрабатываться и разясняться применительно к отдельным заинтересованным участникам в зависимости от характера и содержания их законных интересов и включать процессуальные права, обязанности и ответственность, соответствующие законным интересам⁴.

Таким образом, анализ ст.ст. 125, 144, 145, 146 УПК РФ показывает, что заявитель и иные лица, вовлекаемые в уголовно-процессуальные отношения на стадии возбуждения уголовного дела, вправе: знать о принятом в результате рассмотрения сообщения о преступлении решении;

приносить жалобы на действия (бездействие) и решения дознавателя, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания, органа дознания, следователя, руководителя следственного органа, прокурора и суда и принимать участие в их рассмотрении судом; участвовать с разрешения следователя или дознавателя в следственных действиях, предусмотренных ч. 1 ст. 144 УПК РФ, производимых по его ходатайству; знакомиться с материалами проверки сообщения о преступлении при отказе в возбуждении уголовного дела; заявлять ходатайства или отводы; пользоваться услугами адвоката в порядке ч. 1¹ ст. 144 УПК РФ. Данный комплекс прав нуждается в систематизации. В связи с этим необходимо текст УПК РФ дополнить нормой, регламентирующей процессуальный статус заявителя.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В качестве реализации основных направлений оптимизации процессуального статуса участников досудебного производства необходимо учитывать следующие предложения: 1) приведение процессуального положения органов уголовного досудебного производства в оптимальное состояние возможно при распределении ведомственного процессуального контроля и прокурорского надзора в пользу последнего и создании единой формы предварительного расследования; 2) изменение и точечная корректировка процессуального положения отдельных участников, например, вовлечение подозреваемого на стадии возбуждения уголовного дела и уточнение цели и роли участия в деле педагога и психолога; 3) установление компромисса между необходимостью расширения субъектного состава и сохранением его в прежних рамках.

⁴ Гладышева О. В. Теоретические основы обеспечения законных интересов личности в уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2013. С. 14–15.

Список литературы

1. Маркелова О. Н. Соотношение процессуального руководства, прокурорского надзора и судебного контроля // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 9. С. 152–155. DOI: <https://doi.org/10.23672/SAE.2019.9.36832>
2. Кузнецова С. М. Реформа предварительного расследования: перспективы развития // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2015. № 2 (20). С. 80–83.
3. Шалумов М. С. Адвокат в доследственной проверке: условия участия в качестве защитника // Уголовный процесс. 2018. № 6 (162). С. 26–31.
4. Деришев Ю. В., Земляничин Е. И. Процессуальное положение лица, в отношении которого проводится предварительная проверка сообщения о преступлении // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2014. № 3 (29). С. 95–100.
5. Бредихин А. Л., Байкеева С. Е. Правоотношения: к новым основаниям классификации // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. 2022. Т. 7, № 1. С. 5–8. DOI: <https://doi.org/10.47475/2618-8236-2022-17101>
6. Мирзоян Г. А. Понятие уголовного преследования // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. № 3-1 (54). С. 222–225. DOI: <https://doi.org/10.24412/2500-1000-2021-3-1-222-225>
7. Деришев Ю. В. Реликт социалистической законности мутирует // Российское право: образование, практика, наука. 2017. № 6 (102). С. 71–76.
8. Семенов Е. А. Врач, педагог, психолог, переводчик и их правовое положение в уголовном процессе России // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 2 (34). С. 503–508.
9. Курбатова С. М. Психологизация уголовного судопроизводства и ее негативные последствия (обзор доклада проф. В. В. Николюка на пленарном заседании международной конференции «Обеспечение прав участников уголовного судопроизводства с ограниченными возможностями: компенсаторный подход») // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2021. № 3 (19). С. 24–32. DOI: <https://doi.org/10.24412/2587-9820-2021-3-24-32>
10. Бычков А. Н. Участие педагога в российском уголовном судопроизводстве : моногр. М., 2011. 176 с.
11. Шувалова М. А. Педагог и психолог как две независимые процессуальные фигуры уголовного судопроизводства // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. № 3 (83). С. 118–123. DOI: <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2019-3-118-123>
12. Тетюев С. В. Зачем уголовному процессу педагог? // Российская юстиция. 2010. № 6. С. 37–41.
13. Тарасов А. А. О процессуальном статусе «заявитель о преступлении» // Судебная власть и уголовный процесс. 2021. № 1. С. 131–141.
14. Черкасова Ю. А. Процессуальные гарантии заявителя как участника уголовного судопроизводства с неопределенным уголовно-процессуальным статусом // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 3. С. 197–200. DOI: <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-3-197-200>
15. Муженская Н. Е., Костылева Г. В. Заявитель – участник уголовного судопроизводства // Законность. 2012. № 7 (932). С. 52–56.
16. Башинская И. Г. О правовом положении заявителя на досудебной стадии уголовного судопроизводства // Общество и право. 2014. № 3 (49). С. 157–160.
17. Грачев С. А. Процессуальные проблемы обеспечения прав заявителя в стадии возбуждения уголовного дела // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2012. № 3 (19). С. 34–38.
18. Наумов А. М. Процессуальный статус участников доследственной проверки // Российский следователь. 2016. № 8. С. 8–12.
19. Володина Л. М. Уголовно-процессуальные правоотношения // Вестник Тюменского государственного университета. 2004. № 1. С. 138–144.

References

1. Markelova O. N. The Ratio of the Procedural Management, Public Prosecutor's Supervision and Judicial Control. *Humanities, Social-Economic and Social Sciences*. 2019;9:152-155. DOI: <https://doi.org/10.23672/SAE.2019.9.36832> (In Russ.)
2. Kuznetsova S. M. Reform of the Preliminary Investigation: Prospects for Development. *Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia*. 2015;2:80-83. (In Russ.)
3. Shalumov M. S. Advocate in Pre-Investigation Verification: Conditions for Participation as a Defense Counsel. *Criminal Procedure*. 2018;6:26-31. (In Russ.)
4. Derishev Yu. V., Zemlyanitsin E. I. Procedural Status of the Person Against Whom a Preliminary Verification of Reporting a Crime Is Conducted. *Legal Science and Law Enforcement Practice*. 2014;3:95-100. (In Russ.)
5. Bredikhin A. L., Baykeeva S. E. Legal Relations: to New Grounds for Classification. *Bulletin of Chelyabinsk State University. Series: Law*. 2022;7(1):5-8. DOI: <https://doi.org/10.47475/2618-8236-2022-17101> (In Russ.)

6. Mirzoyan G. A. Concept of Criminal Prosecution. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 2021;3-1:222-225. DOI: <https://doi.org/10.24412/2500-1000-2021-3-1-222-225> (In Russ.)
7. Derishev Yu. V. Relic of Socialist Legality Is Mutating. *Russian Law: Education, Practice, Research*. 2017;6:71-76. (In Russ.)
8. Semenov Ye. A. Doctor, Pedagogue, Psychologist, Translator and Their Legitimate Position in the RF Criminal Code. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2016;2:503-508. (In Russ.)
9. Kurbatova S. M. Psychologization of Criminal Proceedings and Its Negative Consequences (Review of the Report of Prof. V. V. Nikolyuk at the Plenary Session of the International Conference “Ensuring the Rights of Participants in Criminal Proceedings with Disabilities: a Compensatory Approach”). *Forensics: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2021;3:24-32. DOI: <https://doi.org/10.24412/2587-9820-2021-3-24-32> (In Russ.)
10. Bychkov A. N. *Involvement of Educators in Russian Criminal Proceedings*. Moscow, 2011. 176 p. (In Russ.)
11. Shuvalova M. A. Teacher and Psychologist as Two Independent Procedural Figures of Criminal Proceedings. Bulletin of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019;3:118-123. DOI: <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2019-3-118-123> (In Russ.)
12. Tetyuev S. V. Why Is the Presence of an Educator Necessary in the Criminal Process? *Russian Justice*. 2010;6:37-41. (In Russ.)
13. Tarasov A. A. To the Question About the Procedural Status of the “Applicant About a Crime”. *Judicial Authority and Criminal Process*. 2021;1:131-141. (In Russ.)
14. Cherkasova Yu. A. Procedural Guarantees for the Complainant as a Participant in Criminal Proceedings with Uncertain Criminal Procedural Status. *Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2021;3:197-200. DOI: <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-3-197-200> (In Russ.)
15. Muzhenskaya N. E., Kostyleva G. V. An Applicant – Participant of Criminal Proceedings. *Zakonnost Journal*. 2012;7:52-56. (In Russ.)
16. Bashinskaya I. G. On the Legal Status of Applicant at the Pre-Trial Stage of Criminal Proceedings. *Society and Law*. 2014;3:157-160. (In Russ.)
17. Grachev S. A. Procedural Problems of Securing the Rights of the Declarant on the Stage of the Institution of the Action. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2012;3:34-38. (In Russ.)
18. Naumov A. M. Procedural Status of Pre-Investigation Check Participants. *Russian Investigator*. 2016;8:8-12. (In Russ.)
19. Volodina L. M. Criminal Procedural Legal Relations. *Tyumen State University Herald*. 2004;1:138-144. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ольга Сергеевна Морозова, старший преподаватель кафедры уголовного права и процесса Сибирского юридического университета (ул. Короленко, 12, Омск, 644010, Российская Федерация); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4886-3740>; e-mail: olga283m@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Olga S. Morozova, Senior Lecturer of the Department of Criminal Law and Procedure at the Siberian Law University (12 Korolenko, Omsk, 644010, Russia); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4886-3740>; e-mail: olga283m@mail.ru

Поступила | Received
08.04.2024

Поступила после рецензирования
и доработки | Revised
19.04.2024

Принята к публикации | Accepted
02.05.2024